

Параджанов с.

13/1X-90

ВРЕМЕНИ, ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ

Экран и сцена (прил. к Сов. культуре) - 1990 - 13 сент. (№ 37) - с 3

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ЭКРАН

УСМЕШКА ВЕЧНОСТИ

Начиная документальный фильм «Театр Параджанова» (фирма «Порсуна», Киев), режиссер Евгений Татарец и сценарист Валерия Милова, пожалуй, могли предполагать, что их картина станет своего рода посмертным венком великому режиссеру. Параджанов умер в минувшем июле, а за год до этого смертельная болезнь настигла его и так и не отпустила.

Вся его творческая биография состояла из сплошных запретов еще не созданного и «полюк» для того, что все же удавалось снять. «Киевские фрески», «Интермеццо», «Исповедь», «Бахчисарайский фонтан», «Слово о полку Игореве»...— это только часть несыгранного репертуара театра Параджанова. Мы уже никогда не увидим того, что он придумал за 15 лет вынужденного простоя и еще раньше. Колоссальная жизненная энергия провела его сквозь травлю и издевательства, сквозь все болезни, сквозь три тюремных срока, а потом и она иссякла.

Но на экране Параджанов еще живой, он улыбается пришедшим его снимать и даже шутит, слегка подправляя пушкинскую Татьяну: «Меня ласкает двор». Да, уж что-то, а это наш «двор» умеет. Впрочем, он умеет многое. Лучший и лю-

бимый ученик Параджанова Юрий Ильенко писал, что в первой же тюремной зоне врач по секрету предупредил Параджанова: никогда, ни под каким видом не соглашаться ни на какие уколы, поскольку «двор» распорядился ввести ему вместо нитроглицерина жидкий гипс.

Недавно по ТВ промелькнул сюжет о сатирике М. Задорнове, напомнившим присказку «застойных» времен: легко, мол, падать на амбразуру, зная, что там нет пулемета. Но в амбразурах, на которые шли Сахаров и Солженицын, Параджанов и Тарковский, Высоцкий и Галич, пулеметы были. Уцелеть под их огнем удавалось редко, но порой мне кажется, что прекрасные и трагические судьбы наших великомучеников были предначертаны какой-то вневременной режиссурой, по воле которой даже физическая смерть отмечалась не финальной точкой, а торжествующим знаком бесконечности.

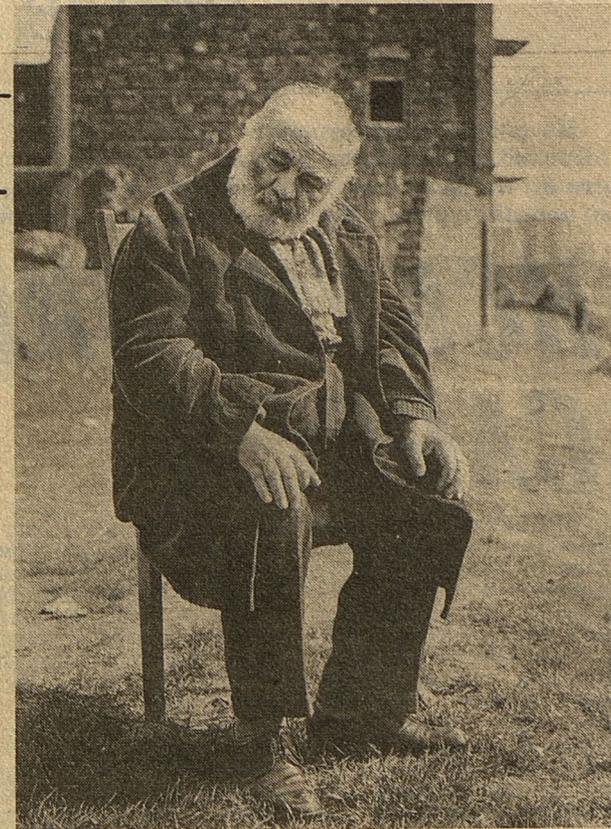
Практически все пространство фильма Е. Татарца и В. Миловой занято документальными съемками Параджанова (увы, как оказалось, последними) и фрагментами из его картин. Я видел «Театр Параджанова» спустя месяц после

смерти героя, но обаяние человека, грустно улыбающегося с экрана, было настолько велико и непобедимо, что вместо более приличествующих ситуации скорби и содрогания от непоправимости случившегося, я смотрел на Параджанова и тоже улыбался.

Остались в памяти не только эти «живые» сцены с Параджановым, но еще и всего-то-навсего одна его старая фотография. Он еще удивительно молод, и борода (не борода!) еще черная, как смоль, а не седая. Ах, как он там улыбается, даже нет— скорее усмешается. В этой грустноватой усмешке разом прочитывается и будущая судьба Параджанова, и судьба поколения, задавленного, затоптанного, задушенного и все-таки не уничтоженного. Вот так же усмехались и похожие на Параджанова каким-то неуловимым сходством Шпаликов и Высоцкий (я даже помню их снимки почти в том же ракурсе), и совсем на него непохожий Сахаров.

Теперь о фильме как таковом. Значительный перепад уровней между теми частями картины, когда на экране сам Параджанов или фрагменты из его лент, и всем остальным, включая авторский текст, думается, был неизбежен еще до начала съемок. Уникальность, «штучность» личности Параджанова попросту исключала иные варианты. Менее всего хотел бы обидеть авторов, должно быть, догадывавшихся, какой непосильный груз ляжет на их плечи, и тем не менее взявшихся за работу. Во всяком случае без их инициативы мы лишились бы этой, по сути дела, последней возможности увидеть Параджанова.

В фильме есть удивительный эпизод: оператор приближает камеру к накрытой одеялом оттоманке, и вдруг краешек одеяла откидывается и оттуда показывается на секунду лицо Параджанова. Выглянул и тут же снова укрылся. Мигом вспыхнула мрачная ас-

социация: Моцарт в фильме М. Швейцера, навсегда расставаясь с другом Сальери, спиной втягивается в закрывающуюся за ним дверь, и только рука еще на какие-то мгновения задерживается, еще делает пару прощальных взмахов. Вот и ее уже нет— будто крышка гроба захлопнулась.

Но здесь, на экране, Параджанов опять откидывает одеяло и весело глядит на нас. Очень не хочется с ним расставаться. Ну а раз не хочется, так и не расстаемся.

Сергей БУРИН.

Фото Юрия Мечитова.